



Умеръ, разбитый параличемъ и 5 лѣтъ страдавшій священникъ Іоаннъ Стефановичъ Ландышевъ, сынъ извѣстнаго въ свое время миссіонера, протоіерея Стефана Васильевича Ландышева, любимаго ученика приснопамятнаго основателя Миссіи, архимандрита Макарія Глухарева. Миссія можетъ вспомнать усопшаго о. Іоанна, какъ своего полезнаго сотрудника, отдавшаго ей много лѣтъ труда.

Пути Господни неисповѣдимы, и Господь иногда черезъ скорби приводитъ людей на служеніе Себѣ. Третій ребенокъ отца Стефана Ландышева, Іоаннъ, родившійся, согласно записи его покойнаго отца, 16 января 1852 года,—котораго отъ купели приняли миссіонеры и кого воспріемницами были сотрудница Миссіи Софія Густавовна де-Вальмонтъ и просфорня Елена, въ послѣдствіи схимонахиня Улалинскаго дѣвичьяго монастыря,—воспитанный въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, сперва не пошелъ по дорогѣ священства;—можетъ быть тяжесть пути утратила его юную душу: видѣвшій въ раннемъ дѣтствѣ трудъ своихъ отца и матери и испытывавшій гнетъ тогдашней бурсы, юный Іоаннъ, не окончивъ 5 классовъ семинаріи, поступилъ въ гражданское вѣдомство, гдѣ, постепенно повышаясь въ рангахъ, достигъ чина Надворнаго Совѣтника и получилъ въ свое время знаки отличія.

Сперва онъ жилъ съ семьею въ Томскѣ, однако связь его съ Алтайской Миссіей не прерывалась, особенно съ пріѣздомъ въ Томскъ Епископа Владимира, въ послѣдствіи архіепископа Казанскаго, который любилъ Іоанна Стефановича съ раннихъ лѣтъ, былъ всегда его покровителемъ и, перейдя въ Томскъ, приблизилъ къ себѣ молодого, даровитаго и талантливаго чиновника, передъ которымъ лежала будущность.

Послѣ многихъ переговоровъ, епископу Владимиру удалось уговорить Ландышева уѣхать чиновникомъ въ Алтай, дабы содѣйствовать Миссіи, а не идти противъ нея, какъ дѣлали это другіе. Несмотря на нежеланіе семейныхъ, Іоаннъ Стефановичъ согласился на это, послѣ долгихъ колебаній, точно предчувствуя тѣ страданія, которыя ждали его впереди.

Миссіонеры отнеслись къ молодому чиновнику, какъ къ своему, и не мудрено: среди нихъ были его родные братья, дядя, и во главѣ Миссіи стоялъ близкій ему по духу чело-вѣкъ,—въ годъ пріѣзда назначенный епископомъ Алтая—Епископъ Макарій (нынѣ Митрополитъ Московскій).



Потекли годы труда. Глубоко религиозный, Ландышевъ самъ старался проповѣдывать слово Божіе, какъ умѣлъ, помогая миссіонерамъ утверждать души въ вѣрѣ Христовой; онъ помогалъ Миссіи и перомъ: имъ написано—появившееся въ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ обширное стихотвореніе „Алтайскіе миссіонеры“, имъ написано много духовныхъ пѣснопѣній, положенныхъ на ноты, послѣднее изъ которыхъ, „Покаянный канонъ“, онъ завѣщалъ Митрополиту, уже умирая.

Хорошій музыкантъ, даровитый художникъ и поэтъ, онъ могъ отдавать своимъ дарованіямъ только каплю времени, принося его всецѣло на служеніе Алтаю; обязанный, по службѣ объѣзжать огромные районы, онъ не опускалъ случая улавливать души въ бесѣдахъ съ алтайцами, особенно за послѣднее время, когда снова усвоилъ себѣ, забытый съ дѣтства, алтайскій языкъ.

И этого человѣка, котораго полюбилъ и оцѣнилъ Алтай, караулила клевета. Прокурорскій надзоръ, кичившійся либерализмомъ, возненавидѣлъ молодого чиновника и обвинилъ его, черезъ посредство негодныхъ лицъ, въ неблаговидномъ поступкѣ взяточничества, которое старались доказать два лица, нѣкогда сидѣвшіе въ тюрьмѣ по дѣламъ за кражу и убійство. Донесеніе пошло куда слѣдуетъ. Ландышева обвинили, отрѣшили отъ должности, заключили даже въ тюрьму на 3 мѣсяца и почти 5 лѣтъ мучили его: тянули дѣло. Въ это время, не имѣя никакихъ средствъ онъ жилъ у родственниковъ съ семьєю; за него не хлопотали, о справедливости къ нему просили лишь Архіепископъ Владимиръ Казанскій, да Алтайская миссія во главѣ съ своимъ начальникомъ, и тогдашній министръ юстиціи Муравьевъ, наконецъ, разсмотрѣвъ дѣло, прислалъ Архіепискому Владимиру телеграмму: „Торжествую въ лицѣ Вашемъ русскую правду“.

Совершенно оправданный, страдалецъ, много передумавшій за эти годы, рѣшилъ принять священство, что и исполнилось 18 лѣтъ назадъ. Но силъ уже не было для служенія Миссіи,—отецъ Іоаннъ поселился въ скромномъ приходѣ Том-



ской епархіи, а потомъ перешель секретаремъ къ Архіепископу Томскому Макарію. Но и тутъ жизнь, недоплетшая еще его терноваго вѣнка, наложила на него свою руку: умерла вѣрная подруга его жизни Алевтина Ивановна... Скорби и невзгоды черезъ злобу людскую пали на плечи старѣющаго человѣка: убѣгая отъ нихъ, онъ покинулъ своего любимаго Архіепископа, ушелъ опять на мѣсто перваго служенія, принося пользу крестьянамъ: лѣча ихъ болѣзни, какъ докторъ самоучка, и служа Господу пастыремъ добрымъ. Но и это продолжалось недолго. Тоска по родной могилѣ труженицы жены, оставленной въ Томскѣ, одиночество и заботы сломили его, — параличъ, поразившій его много страдавшаго отца, поразилъ и отца Іоанна внезапно, на посту, во время служенія литургіи, которую онъ съ трудомъ докончилъ. Докторъ, привезенный въ село, сказалъ ему, что нужно лежать, быть покойнымъ, обѣщаль, что здоровье возстановится. Но развѣ можно лежать священнику сельскаго прихода? И при первыхъ же попыткахъ исправить требы наступилъ полный параличъ лѣвой половины тѣла. Больной мучился 5 лѣтъ и скончался 15-го ноября 1915 года, прижимая крестъ къ груди, безъ ропота, отъ склероза сердца, много и долго страдавши но сохранивши до конца даръ слова.

Онъ погребенъ далеко отъ любимаго и воспѣтаго имъ Алтая, отъ могилы своихъ отца и матери, дяди и братьевъ, на тихомъ кладбищѣ Томскаго Женскаго Монастыря, подъ березами. Отецъ Іоаннъ тоже былъ сотрудникомъ миссіонеровъ Алтая, этихъ незамѣтныхъ подвижниковъ; любилъ его крѣпко и глубоко. И тѣ, кто видѣли его трудъ: умершіе — въ селеніяхъ горнихъ, и живущіе — служащіе въ храмахъ земныхъ, пусть помянутъ о упокоеніи душу усопшаго Іерея Іоанна, отстрадавшаго на землѣ, и испросятъ ему братски у Господа вѣчный покой.

*А. Макарова-Мирская.*

